

ложении. От горного ведомства город получил тяжелое наследство, с которым не может развязаться и по сейчас” (6).

Данные авторские выводы контрастируют, если не сказать противоречат, умозаключению академика В.П.Безобразова процитированного в этой же книге. Среди трех основных причин “упадка” горной промышленности и его центра — Екатеринбурга — в 60-е гг. XIX в., В. Безобразов выделял третью, но самую важную, на его взгляд, говоря: “более всего на упадок горного производства и разложение посредством недавних реформ организации горного ведомства” (7). В этом столкновении разных точек зрения на одну и ту же ситуацию мы видим не столько теоретическую подоплеку вопроса, сколько разный опыт реальной деятельности прежней администрации и нового городского самоуправления, одной из главных фигур которого, а значит, последовательным приверженцем избранного дела, был сам автор анализируемого произведения.

Таким образом, исследовательская деятельность историков-краеведов свидетельствует, бесспорно, о значимости их работ для отечественной историографии, отличавшейся самостоятельностью своего содержания, прежде всего в силу практического знания их авторами развития Пермского края в анализируемый период.

1. Дмитриев А. Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 года, 1889; Смышляев Д. Источники и пособия для изучения Пермского края, 1876.
2. Журнал Министерства Народного Просвещения. Часть ССХІІІ, 1889. С. 224.
3. Дмитриев А.А. Очерки из истории губ. города Перми, 1889 года. С. 196.
4. Город Екатеринбург. Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу. Екатеринбург, 1889.
5. Город Екатеринбург. Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу. Екатеринбург, 1889. С. 923.
6. Указ. соч. С. 923.
7. Указ. соч. С. 46.

Баранов Е.Ю.

Наращение продовольственного кризиса в Уральской области в конце 1920-х начале 1930-х гг.

В конце 1920-х годов одним из следствий начавшихся коллективизации и раскулачивания стали продовольственные затруднения в деревне. Материалы информационного отдела ЦК ВКП (б) свидетельствуют о возникновении продовольственных затруднений весной – летом 1928 г. в девяти округах Уральской области: Ишимском, Курганском, Пермском, Сарапульском, Свердловском, Троицком, Тюменском, Челябинском, Шадринском. На почве недостатка продовольственных продуктов, в особенности хлеба, распространялись слухи о голоде, войне, свержении советской власти, увеличилось число массовых выступлений и демонстраций. В мае – июне 1928 г. антисоветские выступления прошли в Курган-

ском, Пермском, Свердловском и Троицком округах. Число их участников не превышало ста человек.

В Сарапульском, Челябинском и Шадринском округах были зафиксированы случаи голодания бедноты, заболевания и смерти вследствие голода детей и взрослых, употребление в пищу суррогатов и падали. В отдельных районах области крестьяне из бедняцких слоев взламывали частные и общественные амбары и «растаскивали» хлеб, в том числе страховые семенные фонды (1).

Ускоренные в начале 1929/30 хозяйственного года темпы коллективизации и хлебозаготовок привели к тому, что весной – летом 1930 г. тяжелая ситуация с продовольствием сложилась в Троицком, Ишимском, Курганском, Челябинском, Шадринском и Тюменском округах. В них были зарегистрированы многочисленные случаи употребления в пищу суррогатов, заболевания и опухания людей по причине голодания. Для обеспечения себя пищей жители уральской деревни, страдающие от голода, вынуждены были забивать молочный скот и размалывать семенное зерно.

В Троицком округе наиболее значительные продовольственные затруднения испытывали Сладковский, Ламенский, Сорокинский и Абатский районы. В Ламенском районе для удовлетворения потребности населения в хлебе требовалось 30 тыс. пудов хлеба, а в наличии имелось только 7018 пуд. В Абатском районе вообще отсутствовали запасы хлеба. Хозяйствам района руководство округа выделило только 7,5 тыс. пудов хлеба, а требовалось до нового урожая 24281 пуд.

По шести районам Шадринского округа недостаток хлеба исчислялся в 17999 ц. По колхозам Пышминского района он составлял 10 тыс. пудов. В деревне Кабаны Курганского округа были отмечены случаи нищенства среди членов коммуны. В Новозаимском, Юргинском, Ярковском, Тавдинском и других районах Тюменского округа бедняки приходили в сельсоветы с пустыми мешками, требуя хлеб и угрожая расправой (2).

Наиболее критическое состояние с продовольственным обеспечением весной – летом 1930 г. наблюдалось в Челябинском округе. В начале июня 1930 г. в Мишкинском районе запасы хлеба оставались на несколько дней. Хлеб отсутствовал в четырех сельсоветах Бродокалмакского района. В Шумихинском, Чудиновском, Ялано-Катавском и Бродокалмакском районах колхозники из-за отсутствия питания бросали полевые работы. В селе Альменово Ялано-Катавского района по сведениям ОГПУ шесть семей опухли от голода. В Масленском сельсовете Мишкинского района, в Кочневском и Багановском сельсоветах Чудиновского района из-за отсутствия продовольственного хлеба размолотили на муку полученный из других районов посевной материал (3).

М.Н. Денисевич в своей монографии «Индивидуальные хозяйства на Урале (1930-1985)» пишет, что весной 1930 г. Урал охватила «первая волна голода» (4). На наш взгляд, применительно к весне 1930 г. можно говорить

о продовольственных затруднениях в области и локальных случаях голода в сельской местности, а не о первой волне голода 1930–1934 гг.

Продовольственные затруднения вызвали волну массовых и групповых выступлений весной 1930 г. Массовые выступления прошли в Челябинском, Курганском, Тюменском, Ишимском и Шадринском округах. Они сопровождались активными действиями: разгромом амбаров, растаскиванием семян и избиванием работников сельсоветов. В одном из выступлений в Курганском округе толпа женщин требовала в сельсовете выдачи хлеба. Не добившись результатов, женщины послали вестовых за мужьями, работавшими в лесу, мужчины, вооружившись палками и топорами, пришли в сельсовет, а затем искали по селу председателя сельсовета для расправы (5).

Нельзя сказать, что государство совсем не реагировало на продовольственные проблемы деревни. Остро нуждавшимся в продовольствии и семенах районам оказывалась продовольственная и семенная помощь. В большей части данная помощь предоставлялась в виде ссуд с возвратом из урожая следующего года, и выдавалась она в основном хозяйствам социалистического сектора, а не единоличникам.

Для предоставления Уральской области продовольственной или семенной помощи необходимо было направить в центральные партийные и советские организации заявление, ходатайство с соответствующей просьбой.

В марте 1930 г. в Политбюро ЦК ВКП (б) поступило заявление первого секретаря Уральского обкома И.Д. Кабакова о необходимости завоза хлеба в область. К сожалению, по документам не удалось проследить, шла речь о плановом завозе или оказании продовольственной или семенной помощи. Но уже 5 мая 1930 г., то есть в период сева, Политбюро приняло решение отпустить «нуждавшимся» колхозам Уральской области в качестве продовольственной помощи 100 тыс. пудов хлеба, а для посева погибших посевов выделить 40 тыс. ц проса и ячменя (6).

Весной 1931 г. области также предоставили семенную помощь. На заседании Политбюро 5 марта констатировали отсутствие возможности оказания большой семенной помощи в виду «затруднительного положения с неп-фондом», но «в качестве крайней уступки» решили пойти на предоставление 5 млн пудов зерна недородным районам, Уральской области предназначалось 500 тыс. пудов (7).

15 апреля 1931 г. Политбюро на основании просьбы Уралобкома постановило отпустить Уральской области дополнительно 400 тыс. пудов зерна в порядке семенной ссуды с возвратом «натурой» осенью этого года. 24 мая Политбюро приняло решение выделить Уральской области 15 тыс. ц семян проса и гречихи. В ходе весенней посевной кампании 1931 г. областное руководство решило расширить посевы овса. Обеспечение дополнительной посевной площади семенами предполагалось за счет централизованной поставки. Председатель Уралоблисполкома М.

Ошвинцев отправил в Политбюро телеграмму, содержащую ходатайство о предоставлении семян овса. 25 мая 1931 г. Политбюро удовлетворило просьбу М. Ошвинцева: области в кредит на расширение посевов отпущено 20 тыс. ц семян овса (8).

Данные действия Политбюро свидетельствуют о том, что центральное руководство придавало важное значение Уральской области как источнику сельскохозяйственной продукции, и поэтому стремилось обеспечить благополучное проведение посевной кампании с целью получения области хорошего урожая, что в свою очередь обеспечивало выполнение заготовительных планов.

Продовольственная и семенная помощь оказывалась колхозам в период проведения посевной и уборочной кампаний. Причем зерно на продовольственные цели после окончания сева могло выдаваться из семенных фондов. В неурожайном 1931 г. 9 июля Малый Президиум Уральского облисполкома принял постановление «Об оказании продовольственной помощи недородным районам», согласно которому для удовлетворения потребности колхозов недородных районов Центрального Зауралья в продовольственном зерне на период уборочной кампании разрешалось позаимствовать 14200 ц зерна из семенных страховых фондов других районов. Продовольственная помощь предназначалась Полтавскому, Брединскому, Кизельскому, Кочкарскому, Варненскому, Троицкому, Чудиновскому, Звериноголовскому, Гольшмановскому, Ларихинскому, Половинскому, Сладковскому районам. Но в августе 1931 г. Малый Президиум облисполкома отменил данное решение об оказании продовольственной помощи (9).

25 августа 1931 г. Малый Президиум облисполкома постановлением «О семенной помощи недородным районам» утвердил порайонное распределение отпущенных правительством в качестве семсуды 200 тыс. ц ржи с возвратом из урожая 1932 г. Семенная ссуда предоставлялась сорока семи районам Центрального и Южного Зауралья. По объемам предоставленной семсуды можно судить об обеспеченности семенами районов области. Острый недостаток в семенах испытывали Ялуторовский (доля района в общем объеме ссуды составляла 6,3%), Мишкинский (5,7%), Щучанский, Курганский (по 4,5%), Казанский, Куртамышский, Чудиновский, Шумихинский (по 4%) районы, которым предоставили госсемсуды от 7000 центнеров (10).

В архивных документах имеются сведения о голоде в области в конце 1931 г. Крестьяне испытывали недостаток продуктов питания, в большей части это касалось хлеба, который они сдавали в счет хлебозаготовок. Стремление советского руководства вывезти из деревни как можно больше сельскохозяйственной продукции привело к завышению заготовительных планов. В неурожайном 1931 г. в ходе хлебозаготовительных

кампаний изымалось даже зерно из семенных и кормовых фондов, а также предназначенное для личного потребления.

В ноябре 1931 г. из 116 колхозов Курганского района недородом было поражено 52, работники которых питались суррогатами и отходами, а в 23 колхозах района продовольствие совсем отсутствовало (11).

В декабре 1931 г. случаи голодания были отмечены в Ярковском районе. Пятьдесят колхозников, осмотренных фельдшером Плехановского сельсовета, имели старческий вид, врач установил, что причиной такого их состояния стали недоедание и голод. Он обратил внимание районного руководства на низкое качество хлебной продукции. Фельдшера обвинили в пособничестве кулачеству, направленном против коллективизации, и он был отдан под суд (12).

Колхозники и единоличники Ярковского района в декабре 1931 г. предпринимали «хождения» в сельсоветы и партийные ячейки с требованиями выдачи хлеба. В Плехановский сельсовет из одной из деревень района пришли восемь женщин – «нацменок». Они заявили, что «мы пришли за хлебом, у нас хлеба нет, ибо у нас в хлебозаготовки по сельсовету в среднем обходилось с га по 9 центнеров, а мы сдали больше десяти, чем перевыполнили план на 47%, но зато не оставили хлеба себе, в силу чего и пришли просить хлеба» (13).

Крестьяне деревень Нижне-Сидоровой и Утяшевой Сидоровского сельсовета Ярковского района при вывозе хлеба со ссыпных пунктов в Тюмень развезли хлеб по домам и заявили об отказе его транспортировки до обеспечения хлебом местного населения. Члены правлений колхозов и сельсоветов деревень Сидорово и Карбаны сообщили районному руководству, что хлеба в колхозах нет, и что колхозники питаются отрубями. На основании отсутствия хлебопродуктов руководство сельсоветов закрыло зимние ясли и прекратило выдачу пайков учителям.

Четырнадцать уполномоченных Ярковского райкома ВКП (б) обнаружили в ряде населенных пунктов скрытые запасы хлеба. Районное партийное руководство панику вокруг якобы голода расценило как происки кулаков, направленные на разложение колхозов, срыв всеобщего обучения, закрытие детских учреждений (14).

Острые продовольственные затруднения в декабре 1931 г. испытывали Увельский, Троицкий, Гольшмановский, Сысертский, Звериноголовский, Старо-Уткинский, Нагайбакский, Шумихинский, Катайский, Курганский, Шадринский, Гляданский, Каракулинский, Ишимский, Казанский, Сладковский, Сухоложский и другие районы.

Запасы хлеба в районах отсутствовали. Крестьяне питались в основном картофелем и суррогатами, забивали скот. Вследствие прекращения выдачи горячих завтраков и закрытия школьных столовых под угрозой находилась работа сельских школ. В некоторых районах школьники голодали. Нечем было снабжать сельских специалистов, в особенности

учителей. Среди колхозников падала дисциплина, наряды на работы в колхозах не выполнялись. Наблюдался повсеместный отход колхозников на заработки на промышленные предприятия (15).

Таким образом, в 1928 г. в связи с чрезмерным изъятием сельскохозяйственной продукции в ходе заготовительных кампаний в уральской деревне возникли продовольственные затруднения. Наиболее остро ощущался недостаток хлеба, отсутствие его запасов. Голод начался в конце 1931 г., хотя его локальные проявления имели место и ранее. Советское руководство, несмотря на явные симптомы продовольственного кризиса, не предприняло активных мер по ликвидации продовольственной проблемы деревни. Это касалось прежде всего формирования механизма продовольственного обеспечения населения, который по отношению к жителям села, за исключением сельских служащих, носил дискриминационный характер. В отличие от городского населения крестьяне не снабжались продуктами питания. Оказание продовольственной и семенной помощи хозяйствам области в период проведения посевных и уборочных кампаний преследовало цель обеспечение выполнения заготовительных планов. Наиболее пораженными продовольственными проблемами стали территории Центрального и Южного Зауралья, основные сельскохозяйственные зоны области и поставщики продукции. Аграрные преобразования начала первой пятилетки и отсутствие заботы советского руководства о продовольственном обеспечении села привели к кризису сельского хозяйства и голоду 1932–1933 гг.

1. РГАСПИ. Ф.17. Оп.85. Д.307. Л. 29, 31, 46, 47, 50, 54.
2. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. М., 2000. Т.2. С.475.
3. Там же.
4. Денисевич М.Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985 гг.). Екатеринбург, 1991. С.56.
5. Трагедия советской деревни... Т.2. С.475-476.
6. РГАСПИ.Ф.17.Оп.3. Д.780. Л.2, Д.784. Л.11, Д.785. Л.8.
7. Там же. Д.815. Л.7.
8. Там же. Оп.162. Д.10. Л.11, Л.59, Л.61
9. ГАСО. Ф.Р-88. Оп.1. Д.2668. без Л.
10. Там же.
11. Продовольственная безопасность Урала в XX веке. 1900–1984 гг. Документы и материалы. В 2 т. / Под ред. Г.Е. Корнилова, В.В. Маслакова. Екатеринбург, 2000. Т.2. С. 50.
12. ЦДООСО. Ф.4. Оп.9. Д.954. Л.14-15.
13. Там же. Л.13-14.
14. Там же. Л.13,15-16.
15. Продовольственная безопасность Урала в XX веке...Т.2. С48–51.